УДК 316.4:51

© А. А. Бетин[1,2], *2026*

[1] Президентская платформа «Россия – страна возможностей»;

[2] Мастерская управления «Сенеж», г. Москва, Россия

E-mail [1,2]: andrey.betin@rsv.ru

УСТОЙЧИВОСТЬ СООБЩЕСТВ КАК САМОПОДОБНАЯ СТРУКТУРА: РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА И РЕЦИПРОКНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЭКОСИСТЕМЫ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПЛАТФОРМЫ «РОССИЯ — СТРАНА ВОЗМОЖНОСТЕЙ»)

В статье обосновывается применение фрактальной методологии к исследованию устойчивости социальных сообществ на примере экосистемы Президентской платформы «Россия – страна возможностей». Устойчивость сообщества рассматривается как производная от его способности воспроизводить принципы доверия и взаимности на всех уровнях организации – от отдельного участника до экосистемы в целом, а ключевым механизмом, скрепляющим эту самоподобную структуру, выступает реципрокность как система взаимных обменов, не сводимых к материальной эквивалентности. Предложена пятиуровневая операциональная модель диагностики устойчивости, включающая измеримые индикаторы плотности реципрокных связей. Основная гипотеза исследования состоит в прямой зависимости устойчивости сообщества от плотности реципрокных связей на каждом уровне его самоподобной структуры, что задает теоретическую рамку для последующей эмпирической верификации.

Ключевые слова: социальный капитал, реципрокность, устойчивость социальных сообществ, самоподобие, доверие, фрактальная методология.

Введение

В условиях неопределенности, информационной перегрузки и трансформации социальных институтов устойчивость сообществ перестает быть исключительно теоретическим конструктом, становясь предметом прикладного научного интереса. Наблюдаемый контраст между долгосрочно развивающимися сообществами, способными сохранять внутреннюю целостность и транслировать ценности, и распадающимися под воздействием внешних шоков или внутренних кризисов указывает на наличие скрытых механизмов саморегуляции.

Исследования последних лет указывают на доверие как на значимый фактор не только внутригрупповой устойчивости, но и социально-экономической динамики. В работе Ю. В. Латова [1, с. 62] на материалах общероссийского опроса 2024 года проверялась гипотеза о связи доверия с реальными практиками участия (действиями граждан). Выяснилось, что доля вовлеченных в патриотическое волонтерство среди респондентов с высоким уровнем доверия к институтам почти в 2,5 раза превышает аналогичный показатель среди не доверяющих; при этом эффект институционального доверия оказался значительнее эффекта доверия межличностного. Это указывает на особую роль доверия к институтам как механизма консолидации на уровне больших социальных общностей.

В то же время данные мониторинга ФНИСЦ РАН 2024 года фиксируют устойчивую дифференциацию кругов доверия в российском обществе: членам семьи полностью доверяют 86% респондентов, родственникам и друзьям — 56–58%, тогда как коллегам по работе и соседям — лишь около 20% [2, с. 76–78]. Приведенные данные подтверждают тезис о том, что межличностное доверие распространяется преимущественно на ближний круг, тогда как институциональное доверие сопряжено с солидарностью на уровне больших социальных общностей. При этом оба типа доверия выполняют взаимодополняющие функции: институциональное обеспечивает консолидацию больших общностей, межличностное — устойчивость ближнего круга; устойчивость сообщества достигается при согласованной работе обоих механизмов.

Однако в существующих исследованиях доверие, как правило, рассматривается либо на микроуровне (межличностные отношения), либо на макроуровне (доверие к институтам). Это оставляет открытым вопрос о механизмах, позволяющих доверию, зарождающемуся в малых группах, масштабироваться до уровня больших социальных сообществ и сохранять устойчивость при смене составов и внешних воздействиях (о том, как происходит переход от доверия между двумя людьми к доверию как свойству социального сообщества и почему одни сообщества успешно проходят этот путь, а другие — нет).

Научная новизна предлагаемого подхода заключается в применении фрактальной методологии к анализу устойчивости социальных сообществ. В отличие от преобладающих моделей, описывающих сообщество через иерархическую вертикаль (пирамида) либо горизонтальную сеть, фрактальный подход позволяет представить сообщество как самоподобную структуру, в которой единый принцип —

реципрокность как основа доверия — воспроизводится на всех уровнях: от взаимодействия двух участников до экосистемы сообществ в целом. Это дает возможность объяснить, каким образом социальный капитал воспроизводится и масштабируется с микро- на макроуровень, обеспечивая устойчивость, преемственность и самовоспроизводство сообщества.

Практическая значимость работы (цель исследования) заключается в разработке операциональной модели диагностики устойчивости социальных сообществ, которая может быть применена для проектирования постпрограммного сопровождения и мониторинга состояния сообществ как в экосистеме Президентской платформы «Россия — страна возможностей» (далее — РСВ), так и за ее пределами.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что устойчивость сообщества находится в прямой зависимости от плотности реципрокных связей на каждом уровне его самоподобной структуры. Предполагается, что сообщества с высокой плотностью реципрокных обменов обладают большей способностью к самовоспроизводству, сохранению идентичности при смене лидеров, преодолению кризисов и масштабированию.

Эмпирическую базу составляют данные экосистемы, а также результаты социологических исследований, опубликованных в 2024–2026 годах.

Результаты исследования

1. Теоретическая рамка исследования.

В основе предлагаемого подхода лежит понятие самоподобия — свойства систем, при котором структура целого воспроизводится на каждом уровне его организации. В современной науке это свойство описывается через фрактальную методологию. Как отмечают авторы [3], феномены социального мира имеют одинаковую структуру при любом масштабе, а «каждый малый участок фрактала представляет собой ключ к конструкции организации любой сложности».

Исследования последних лет подтверждают, что социальные сети организованы по фрактальному принципу. Как показано в работе А. Деппмана, «человеческое социальное поведение выстраивается в стратифицированные, иерархические сети, где каждый уровень масштабируется относительно предыдущего с фиксированным коэффициентом» [4]. Эмпирическим подтверждением такой архитектуры выступает число Данбара — около 150 устойчивых социальных связей, поддерживаемых человеком.

Развивая данный подход, М. Дж. Хэмилтон рассматривает фрактальные социальные сети как механизм, позволяющий индивидам использовать иерархические абстракции и транзитивное умозаключение вместо детального отслеживания всех связей, что снижает когнитивную сложность хранения и извлечения социальной информации [5]. Этот же принцип самоподобия проявляется и на макроуровне. В коллективной монографии [6, с. 22–24] авторы описывают формирование пятиуровневой сетевой архитектуры глобальной экономики, которая утрачивает иерархическую структуру с фиксированным ядром и периферией и приобретает сетевой характер; устойчивость в такой системе обеспечивается не единством, а управляемой связанностью между уровнями. Сходным образом С. С. Православский рассматривает социальность как фрактальный феномен, где структура коммуникации остается идентичной при масштабировании — от взаимодействия двух собеседников до крупных сообществ [7, с. 52]. Таким образом, в прикладном измерении сообщество предстает как самоподобная структура: отношения между двумя участниками строятся по тем же принципам, что и связи между сообществами в экосистеме, а воспроизводство этих принципов на каждом уровне обеспечивает целостность и устойчивость системы.

В логике данного исследования автор разделяет понимание доверия, предложенное А. А. Аузаном, который трактует доверие как имплицитный контракт — продленный во времени обмен ожиданиями [8, с. 269], то есть как институциональный механизм координации, обратный показателю уровня транзакционных издержек [8, с. 270]. Если доверие рассматривать как механизм координации, то устойчивое сообщество есть такое сообщество, где данный механизм встроен в саму структуру взаимодействий. Сообщество не требует постоянного внешнего контроля именно потому, что реципрокность как система взаимных обменов, не сводимых к материальной эквивалентности, создает внутреннюю регуляцию. При этом доверие не возникает спонтанно: оно проектируется через развитие институтов, способных снижать неопределенность. Применительно к сообществам это означает, что проектирование устойчивой среды — это выстраивание системы реципрокных обменов, которая порождает и воспроизводит доверие, а не создание формальных структур.

Реципрокность (от лат. reciprocus — «возвращающийся, взаимный») в данном контексте понимается как принцип межличностных и социальных отношений, предполагающий наличие взаимных обязательств участников взаимодействий. Это форма обмена ресурсами

на принципе взаимности, а не материальной эквивалентности. В отличие от вертикальных патрон-клиентских отношений, реципрокность создает горизонтальные социальные связи, формирующие социальный капитал — возможность доверять окружению и использовать его поддержку [9, 10]. В такой системе роли не закреплены жестко: сегодня один участник помогает другому, завтра — наоборот. Подобная гибкость принципиально отличает реципрокные отношения от иерархических моделей, где позиции фиксированы, а обмен строится по принципу «сверху вниз». Таким образом, устойчивость сообщества напрямую зависит от плотности реципрокных обменов на каждом уровне его самоподобной структуры: чем активнее участники обмениваются поддержкой и ресурсами без жесткой привязки к формальным правилам, тем прочнее социальный капитал сообщества и тем выше его способность сохранять себя при смене лидеров, внешнем давлении, масштабировании.

2. Самоподобная модель управления в экосистеме РСВ.

Экосистема сообществ РСВ представляет собой пример организации, управленческая архитектура которой воспроизводит принцип самоподобия. Каждое постконкурсное и постпрограммное сообщество — это, с одной стороны, сеть автономных, с другой — взаимосвязанных единиц. Такая модель может быть определена как квазифрактальная, то есть обладающая ключевыми свойствами самоподобия — масштабируемостью, воспроизводимостью, повторяемостью структурных принципов, — но не являющаяся строгим математическим фракталом в силу присутствия управленческой вертикали. Аналогично пятиуровневой архитектуре глобальной экономики, экосистема РСВ выстраивается как многоуровневая самоподобная структура, где устойчивость достигается не жесткой иерархией, а связанностью между уровнями. В ее основании — индивид как носитель смыслов, над которым последовательно надстраиваются уровни отношений, проектных групп, сообщества в целом и экосистемы сообществ.

Уровни самоподобной структуры:

1. Субмикроуровень — индивид (участник) как носитель смыслов. Фундаментальная единица, в которой заложен «код» сообщества: ценности, установка на совместное действие, доверие как ожидание взаимности. Именно на этом уровне формируется субъектность — способность быть автором собственной траектории и соавтором общей реальности, а не пассивным элементом системы.

2. Микроуровень — участник в системе отношений. Носитель ценностей и смыслов сообщества, включенный в горизонтальные

связи. Критерий включенности — разделяемая идентичность, выраженная в установке на совместное действие, а не индивидуальное потребление.

3. Мезоуровень — проектная группа или региональный клуб, иными словами, локальное сообщество, воспроизводящее логику целого. Примером служат региональные клубы выпускников, сохраняющие идентичность и активность при минимальной внешней поддержке.

4. Макроуровень — сообщество в целом. Вся экосистема выпускников и участников РСВ, связанная общими смыслами и горизонтальными связями.

5. Мегауровень — экосистема сообществ. Горизонтальные связи между различными проектами и программами РСВ, формирующие «сообщество сообществ».

Таким образом, квазифрактальная структура РСВ разворачивается от субмикроуровня (участник как носитель смыслов) до мегауровня (экосистема сообществ), причем каждый последующий уровень не отменяет предыдущий, а надстраивается над ним, сохраняя единую логику взаимодействия. Исследования самоподобных организаций показывают, что ключевым процессом формирования такой структуры является превращение участников в «сопредпринимателей» [11]. В экосистеме РСВ данный процесс реализуется через три взаимосвязанных механизма: поэтапное вовлечение (переход от индивидуального участия к коллективному действию), ротацию лидерских позиций внутри сообществ (периодическая смена ключевых фигур, обеспечивающую передачу смыслов и устойчивость ядра), и принцип добровольного вклада (каждый участник определяет сферу приложения своих усилий и вносит вклад в общее благо). Именно эта самоподобная архитектура, воспроизводящая одни и те же принципы на каждом уровне, обеспечивает устойчивость экосистемы: сообщества продолжают существовать и развиваться в периоды внешних вызовов, сохраняя активность, идентичность и способность к самовоспроизводству.

3. Реципрокность как механизм, скрепляющий структуру сообществ.

Чтобы описанная выше самоподобная структура была не просто формальной организацией, а живым, устойчивым сообществом, необходим механизм, скрепляющий ее элементы на каждом уровне. Таким механизмом выступает реципрокность — система взаимных обменов, не сводимых к материальной эквивалентности. На каждом из выделенных уровней реципрокность проявляется по-своему, но

выполняет единую функцию: создает доверие и обязательства, удерживающие участников в сообществе. На микроуровне — это обмен опытом, поддержка, наставничество; на мезоуровне — совместные проекты, обмен ресурсами, координация; на макроуровне — взаимодействие с партнерами, обмен символическим капиталом; на мегауровне — координация между сообществами, формирующая «сообщество сообществ». При этом субмикроуровень остается точкой входа и смысловым «кодом»: именно здесь закладывается готовность к реципрокному обмену, основанная на разделяемых ценностях и доверии как ожидании взаимности.

Значимость реципрокности для устойчивости социальных систем подтверждается современными исследованиями. Как отмечается в коллективной монографии [6, с. 28–29], в новой экономической реальности горизонтальные социальные связи формируют социальный капитал как возможность доверять окружению и использовать его поддержку. Данный эффект фиксируется и в сообществах РСВ: чем выше плотность реципрокных обменов на каждом уровне самоподобной структуры, тем выше устойчивость сообщества в целом. Это согласуется с выводами Ю. В. Латова [1, с. 62]: «более высокую отдачу, понимаемую как рост выгод для общества в целом, дают те элементы социального капитала, которые связаны с солидарностью на уровне больших сообществ». Таким образом, реципрокность, зарождаясь на уровне индивида и микро-взаимодействий, масштабируется до уровня солидарности больших групп, формируя устойчивую социальную ткань сообщества.

В экосистеме РСВ данный механизм проявляется в нескольких устойчивых феноменах. Во-первых, это «семейный эффект»: на мероприятиях, объединяющих семейные команды (конкурс «Это у нас семейное», семейные выходные кадровой программы «Время героев»), участники радуются успехам других так же, как своим собственным. Это классический пример реципрокности, выходящей за рамки материального обмена, — здесь взаимность проявляется как эмоциональное соучастие. Во-вторых, в зрелых сообществах наблюдается устойчивый запрос на признание достижений — не как конкуренция, а как форма взаимного подтверждения ценности друг друга. Данный феномен, который можно обозначить как «серотониновый эффект», отражает глубинную потребность в социальном признании, удовлетворяемую через реципрокные обмены. В-третьих, в международных профессиональных сообществах (на примере сообществ проекта «Кардо», конкурса и программы «Гостеприимная Абхазия») реципрокность на основе профессиональной идентичности

может оказываться прочнее территориальной или этнической принадлежности. В совокупности приведенные примеры свидетельствуют о том, что реципрокность как механизм универсальна и действует там, где присутствует разделяемый смысл, — независимо от масштаба и культурного контекста.

4. Методология и операционализация гипотезы.

В основе методологии лежит изложенная выше теоретическая рамка, согласно которой устойчивость сообщества обеспечивается самоподобием его структуры и плотностью реципрокных обменов на каждом уровне. Для проверки выдвинутой гипотезы предлагается исследовательский дизайн, сочетающий качественные и количественные методы, объектом исследования выступают социальные сообщества, сформированные в экосистеме РСВ.

Предполагаемый объем выборки включает не менее 10–15 устойчивых сообществ и 5–7 сообществ, находящихся на этапе угасания, для сравнительного анализа. Временной горизонт анализа — 3–5 лет, что позволит отследить динамику плотности реципрокных связей и ее корреляцию с показателями устойчивости. Операциональные индикаторы, предлагаемые для диагностики устойчивости на каждом из пяти уровней самоподобной структуры, представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1

Операциональные индикаторы устойчивости сообщества по уровням самоподобной структуры

Уровень структуры	*Конструкт*	*Индикатор*	*Способ измерения*
Субмикроуровень (индивид как носитель смыслов)	Самоподобие	Доля участников, способных сформулировать миссию сообщества, совпадающую с миссией ядра	Контент-анализ, опросы
Микроуровень (участник в системе отношений)	Реципрокность	Коэффициент «сарафанного радио» (прирост от действующих участников)	Анализ динамики численности, опросы о причинах вступления
Мезоуровень (проектная группа, региональный клуб)	Реципрокность	Доля участников, перешедших от потребления к созиданию (инициация проектов)	Анализ активности, базы данных проектов

Окончание табл. 1

Макроуровень (сообщество в целом)	Социальный капитал	Индекс лояльности сообщества	Опросы, глубинные интервью
Мегауровень (экосистема сообществ)	Устойчивость	Способность сообщества восстанавливать вектор жизненного цикла после кризиса	Сравнительный анализ, отслеживание динамики

Для верификации модели предлагается несколько этапов эмпирической проверки.

На первом этапе — качественный анализ: глубинные интервью с лидерами и активными участниками сообществ РСВ для выявления паттернов реципрокных обменов и их связи с устойчивостью на каждом из пяти уровней самоподобной структуры.

На втором этапе — количественный анализ: опросы участников (индекс лояльности, шкалы доверия, измерения реципрокности), анализ сетевой структуры (социометрия, анализ коммуникационных каналов) в соответствии с индикаторами, предложенными в таблице 1.

На третьем этапе — сравнительный анализ: сопоставление сообществ с высокой и низкой плотностью реципрокных связей по показателям устойчивости, что позволит проверить гипотезу о прямой зависимости устойчивости от плотности реципрокных обменов на каждом уровне самоподобной структуры.

Особый интерес представляет применение количественных методов диагностики фрактальных свойств динамики сообществ. Как показано в работах М. С. Абрашкина с соавторами, фрактальный подход позволяет выявлять устойчивые паттерны территориальной и отраслевой субъектности [12]. Развивая данную логику, предполагается использовать R/S-анализ и показатель Херста для анализа временных рядов активности сообществ (коммуникационной, событийной, проектной), что позволит эмпирически установить степень устойчивости их динамик. Однако данное направление выходит за рамки настоящей статьи и составляет предмет отдельного эмпирического исследования.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать несколько взаимосвязанных выводов, образующих целостное теоретико-методологическое обоснование для последующей диагностики устойчивости социальных сообществ.

Во-первых, самоподобная (квазифрактальная) модель открывает новый угол зрения на природу устойчивости сообществ. В отличие от преобладающих в литературе подходов, описывающих сообщество через вертикальную иерархию либо горизонтальную сеть, фрактальная оптика позволяет увидеть сообщество как структуру, где одни и те же принципы взаимодействия воспроизводятся на каждом уровне организации — от индивида как носителя смыслов до экосистемы сообществ в целом. Это объясняет, почему одни сообщества сохраняют идентичность и активность десятилетиями, а другие распадаются сразу после завершения породившего их проекта. Ключевой механизм устойчивости — способность к самовоспроизводству, обеспечиваемая реципрокными обменами на всех уровнях структуры.

Во-вторых, реципрокность выступает тем «социальным клеем», который скрепляет уровни самоподобной структуры. На субмикроуровне она проявляется как готовность к обмену, основанная на разделяемых ценностях; на микроуровне — как обмен опытом и поддержка; на мезоуровне — как совместные проекты и координация; на макроуровне — как взаимодействие с партнерами и обмен символическим капиталом; на мегауровне — как координация между сообществами. На каждом уровне реципрокность выполняет единую функцию: создает доверие и обязательства, удерживающие участников в сообществе. Эмпирические данные подтверждают, что горизонтальные связи, формирующие социальный капитал, напрямую связаны с устойчивостью социальных систем. Как показано в систематическом обзоре Д. Ю. Агафоновой [13, с. 75], компоненты социального капитала демонстрируют устойчивую связь с общественным участием, однако роль доверия остается статистически «скрытой» из-за нелинейного характера распределения данного показателя.

В-третьих, доверие играет ключевую роль в консолидации сообществ. Институциональное и межличностное доверие выполняют взаимодополняющие функции: первое обеспечивает консолидацию больших общностей, второе — устойчивость ближнего круга. Устойчивость сообщества достигается при согласованной работе обоих механизмов: институциональное доверие формируется на макро- и мегауровнях, тогда как субмикро- и микроуровни отвечают за межличностное доверие. При этом, как подчеркивает А. А. Аузан, доверие — это не про «добрую волю», а про управляемость процессов [8]. Только согласованная работа всех уровней обеспечивает устойчивость сообщества в целом.

Выдвинутая гипотеза — о прямой зависимости устойчивости сообщества от плотности реципрокных связей на каждом уровне его самоподобной структуры — требует эмпирической верификации. Первоочередной задачей является апробация предложенных операциональных индикаторов на сообществах экосистемы РСВ. Особый интерес представляет применение количественных методов для диагностики фрактальных свойств динамики сообществ, в частности R/S-анализа и показателя Херста, что позволит перейти от качественного описания к численной оценке устойчивости.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что самоподобие доверия не является просто метафорой, а выступает эвристически продуктивной рамкой для понимания устройства устойчивых социальных сообществ. Как в природе фрактал сохраняет структуру при любом увеличении, так и в социальном мире реципрокность, воспроизводясь на каждом уровне взаимодействия, обеспечивает целостность и преемственность сообщества. Дальнейшее развитие данного подхода предполагает уточнение механизмов масштабирования доверия и разработку методов, позволяющих переходить от качественных описаний к измеримым индикаторам устойчивости, сохраняя при этом содержательную сложность и смысловую природу доверия как феномена межличностного и институционального взаимодействия.

Литература

1. Латов Ю. В. Эффекты от институционального и межличностного доверия как социального капитала современного российского общества // Journal of Institutional Studies. 2025. Т. 17. № 4. С. 62-80. DOI: 10.17835/2076-6297.2025.17.4.062-080.

2. Трансформация социального капитала российского общества: мониторинг Института социологии ФНИСЦ РАН. 2024 г. // Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая / Под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М.: «Весь Мир», 2024. С. 126–147.

3. Дворяткина С. Н., Кузнецова Т. И. Приложения концепции линейного самоподобия в социальных и гуманитарных науках // Психология образования в поликультурном пространстве. 2015. № 32 (4). С. 14–22.

4. Deppman A. Fractal Social Dynamics as a Driver of Consensus and Inequality // The European Physical Journal Plus. 2026. Vol. 141. P. 535. DOI: 10.1140/epjp/s13360-026-07779-2

5. Hamilton M. J. What Problem Does a Fractal Social Network Solve? // Behavioral and Brain Sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 2025.

6. Человек, технологии, глобализация: доклад по итогам второго Открытого диалога [1-е изд.]: коллективная монография / П. А. Булато-

ва, А. С. Гурьянов, А. А. Дюкарев и др., под ред. Н. В. Стапран, И. В. Радаева, М.В. Рудник, Я.А. Яловенко. М.: «Дело» РАНХиГС, 2026. 116 с.

7. Православский С. С. Социальность как фрактальный феномен: дис. ... канд. филос. наук / С. С. Православский. Воронеж, 2025. 183 с.

8. Аузан А. А. Провалы механизмов координации: институциональный подход // Журнал Новой экономической ассоциации. 2025. № 1 (66). С. 261–272. DOI: 10.31737/22212264_2025_1_261-272.

9. Сагдиева Э. А. Реципрокность и патрон-клиентизм как формы института сетевой взаимопомощи в селах Республики Татарстан // Этнографическое обозрение. 2024. № 2. С. 229–246. DOI: 10.31857/S0869541524020129.

10. Василенко Л. А., Захарова С. А. Концепт «молодежные сетевые smart-коммуникации» в проектах «умный город» в контексте реципрокности // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9. № 1. С. 98–112.

11. Бодункова А. Г., Черная И. П. Фрактальный подход к оценке уровня развития предпринимательской культуры организации на основе социального капитала // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2012. № 3. С. 93–101.

12. Абрашкин М. С., Шмелева Л. А., Чистяков М. С. Монопрофильная субъектность экономической активности: фрактальный подход к изучению территориальной специфики // Вопросы региональной экономики. 2024. № 1 (58). С. 3–15.

13. Агафонова Д. Ю. Актуализация проблемы социального капитала общественного участия: систематический обзор российских научных публикаций // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2025. Т. 11. № 2 (42). С. 68–92. DOI: 10.21684/2411-7897-2025-11-2-68-92.

Статья поступила в редакцию 18.06.26 г.
Рекомендуется к опубликованию членом Экспертного совета
канд. социол. наук, доцентом Т. П. Карповой